

Глава 1

Вероятно, никто, знавший маленькой Кэтрин Морланд, не мог подумать, что взрослой она превратится в героиню романа. На это не указывало ничто: ни положение в обществе и характеры ее родителей, ни ее собственные наклонности и привычки. Отец ее был священником, не тем бедным и забытым, что рисуют нам иные повести, но, напротив, преуспевающим и уважаемым. Хотя стоит заметить, что он носил заурядное имя Ричард и был совершенно непривлекательным. Кроме двух неплохих церковных приходов, он имел независимое состояние — оттого ему не нужно было держать своих дочерей в черном теле. Матушка Кэтрин была добра, спокойна и рассудительна и, как это ни странно для романа, отличалась превосходным здоровьем. Еще до появления Кэтрин на свет она успела родить трех сыновей, а произведя на свет дочку, не умерла, продолжала жить и благоденствовать, прижила еще шестерых детей и растила весь выводок в полном благополучии. Семейство, в котором растет десятеро детей, в обществе считается прекрасным семейством — с вполне достаточным числом рук, ног и голов. Увы, Морланды не могли с полным на то основанием себя подобным образом именовать: к сожалению, они

не отличались внешней привлекательностью. Многие годы растущая Кэтрин оставалась такой же дурнушкой, как и все ее родичи. Тощая несуразная фигура, нездоровый цвет лица, темные прямые волосы — вот как она выглядела. Так же мало подходил для героини романа и ее характер. Скорее напротив: ей всегда нравились мальчишеские игры — крикет она предпочитала куклам, с презрением смотрела на столь возвышенные развлечения детства, как кормление канарейки или поливка цветочной клумбы. Работа в саду была ей не по вкусу, а если иногда она собирала букет, то делала это как будто назло — по крайней мере, так можно было подумать, заметив, что она обрывала именно те цветы, которые ей трогать запрещалось.

Таковы были ее детские привычки. Столь же мало сулили в будущем и ее способности. Она не могла что-то выучить или понять прежде, чем ей это объяснят. Хотя иной раз и после объяснений — ведь частенько она была невнимательной, а порою откровенно туповатой.

Целых три месяца потребовалось ее терпеливой и доброй матушке, чтобы вдолбить дочери в голову «Жалобу нищего». Но все равно, даже после этого Салли, младшая сестра, декламировала это стихотворение гораздо выразительнее. Нет, Кэтрин вовсе не была настолько тупой — вовсе нет. Басню про «Зайца и его дружков» она вызубрила так же легко, как и любая английская девчонка. Матушка хотела научить ее музыке. И Кэтрин соглашалась с ней, думая, что заниматься музыкой удивительно приятно, — она ведь так любила барабанить по клавишам разбитых клавикордов. Занятия начались, когда девочке исполнилось восемь. Она проучилась год и более терпеть этого не смогла. Миссис Морланд, считая

неразумным принуждать детей к тому, к чему у них нет способностей или не лежит душа, оставила девочку в покое. Так день, когда Кэтрин рассталась с учителем музыки, стал самым счастливым в ее жизни.

Ее способности к рисованию раскрылись так же мало. Хотя, если ей удавалось раздобыть у матери разорванный конверт письма или какой-то другой клочок бумаги, она использовала их самым достойным образом, изображая домики, кустики, петушков или курочек — весьма, увы, мало отличающиеся друг от друга. Писать и считать научил ее отец, а говорить по-французски — мать. Успехи ее были весьма скромными, она под любым предлогом отлынивала от занятий.

Однако, несмотря на все вышеописанное, девочка обладала странным, даже необъяснимым характером! К десяти годам, при всех признаках ленивого и даже испорченного характера, она оставалась доброй и отзывчивой, редко упрячилась, почти никогда ни с кем не ссорилась и была нежна с меньшими своими братьями и сестрами, если не считать редких вспышек вполне объяснимого гнева. Кэтрин росла шумной и озорной девочкой, терпеть не могла убираться, наводить чистоту и порядок, но больше всего на свете любила скатываться по зеленому склону холма позади дома.

Такой была малышка Морланд в десять лет. К пятнадцати годам впечатление, которое она производила на окружающих, стало понемногу меняться. Она начала завивать волосы и подумывала о балах. В ее внешности тоже произошли отрадные перемены: лицо округлилось и посвежело, глаза стали более выразительными, а фигура — выровнялась и обрела формы. Она научилась следить за собой, превратившись в миловидную и опрятную

девушку. И ей стало приятно слушать, как родители, между собой беседуя о ней, хвалили ее изменившуюся внешность и характер, ставший много лучше. «Кэтрин нынче выглядит весьма недурно — она становится почти хорошенькой!» — время от времени говорили старшие. Ох, какое же это было удовольствие! Казаться почти хорошенькой для девушки, которую первые пятнадцать лет жизни все называли исключительно дурнушкой, — радость куда более ощутимая, чем все те радости, которые достаются красавице с колыбели.

Миссис Морланд была добрейшей женщиной и хотела, чтобы ее дети получили в жизни все, что им причитается. Однако она была слишком занята тем, что рожала и воспитывала малышей. Поэтому старшие дочери поневоле оказывались предоставленными самим себе. Вот оттого Кэтрин, от природы лишенная всего истинно присущего девушкам ее круга, в четырнадцать лет предпочитала чтению бейсбол, крикет, верховую езду и прогулки.

Мы говорим здесь о серьезном чтении, конечно. Ведь она ничего не имела против книг, в которых содержались одни только забавные происшествия, но не было никаких достойных сведений или ученых знаний. Тем не менее между пятнадцатую и семнадцатую годами она стала готовить себя в героини. Она прочла все, что должны были бы прочитать героини романов — ведь им необходимо запастись цитатами, ободряющими и порой весьма полезными в их жизни, полной превратностей и передраг.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто «в притворном горе ускользнуть не прочь...», от Грея узнала, «Как часто лилия цветет уединенно, в пустынном воздухе теряя запах свой...» Томсон открыл ей, «как славно

молодежь воспитывать уроками стрельбы!». Мудрец Шекспир снабдил ее огромным запасом сведений, и среди них, что «...ревнивца убеждает всякий вздор, как доводы Священного Писанья», что «...ничтожный жук, раздавленный ногой, Такое же страданье ощущает, как с жизнью расстающийся гигант...» Особенно ей были приятны слова о том, что к выражению лица влюбленной молодой женщины вполне подходят слова: «...как статуя Терпения застыв, она своим страданиям улыбалась...»

О, здесь, следует признать, ее успехи были вполне хороши, так же как и во многих других сферах высокого. Ибо, хоть она и не умела писать сонеты, она заставила себя их читать. Пусть у нее не было никакой надежды вызывать восторги публики, исполняя на фортепьяно прелюдию собственного сочинения, но она была способна, не испытывая усталости, слушать игру других музыкантов.

Самым ее слабым местом было рисование: здесь она не смыслила ровным счетом ничего. Здесь она бы не смогла соперничать ни с одной героиней романа. И наверняка не смогла бы изобразить профиль собственного возлюбленного так, чтобы того можно было узнать. Однако до сих пор этот недостаток был скрыт от нее самой: у нее не было возлюбленного и ей некого было рисовать. К семнадцати годам она еще ни разу не встретила на своем пути достойного молодого человека: того, кто был бы способен воспламенить ее чувства. Она еще ни разу не возбудила в ком-нибудь не только любовной горячки, но даже простого восхищения, большего, чем поверхностное и мимолетное «мила...». Признаем, что это было весьма и весьма странно! Но многие странные вещи удается объяснить, если задуматься о причинах, их вызывающих. После таких размышлений же становилось ясно,

в чем здесь дело. Ибо в окрестностях не было ни одного лорда, даже баронета. Более того, среди знакомых Морландов не было ни единой семьи, которая вырастила бы найденного на пороге мальчика неизвестного происхождения. У ее отца не было воспитанника, а местный сквайр вообще не имел детей.

Однако если молодой леди суждено стать героиней, она ею станет, даже несмотря на то, что сорок живущих по соседству семейств не предоставили ей для этого ни единой возможности. Обязательно что-то произойдет, и герой сам окажется на ее пути.

Мистеру Аллену, владельцу почти всех земель вокруг Фуллертона — деревушки, в которой жили Морланды, — было рекомендовано отправиться в Бат для лечения подагры. И его супруга, добродушная женщина, которой мисс Морланд очень полюбилась и которая, возможно, догадывалась, что если с молодой леди не происходит никаких приключений в родной местности, то ей следует поискать их на стороне, пригласила Кэтрин поехать в Бат вместе с ними. Мистер и миссис Морланд отнеслись к этому предложению вполне благосклонно, а сама Кэтрин встретила его с искренним восторгом.

Глава 2

Куже упомянутым достоинствам характера и внешности Кэтрин Морланд на том этапе ее жизни, на котором ей предстояло испытать тяготы и превратности полутора-месячного пребывания в Бате, следует еще кое-что рассказать читателю. Рассказать для того, чтобы он, если более поздние страницы нашего рассказа не дадут достаточного представления, все же мог дорисовать ее облик. У нее было мягкое сердце, открытый, веселый и лишенный всякого притворства характер, прекрасные и естественные манеры, только что освободившиеся от детской застенчивости и неуклюжести. В благоприятные минуты черты ее лица были приятными и даже почти красивыми, и, как свойственно многим юным дамам в семнадцать лет, весьма невежественный и непросвещенный ум.

С каждой минутой, что приближала отъезд дочери, озабоченность миссис Морланд, вполне естественно, должна была крайне усилиться. Тысячи опасностей, подстерегавших ее любимую Кэтрин во время жестокой разлуки, не могли не тревожить дурными предчувствиями ее сердце. Поэтому в последние два или три дня под отеческим кровом матушка орошала платки потоками горячих слез. Само собой разумеется, во время прощальной

беседы в материнской спальне с ее мудрых уст должен был сойти самый важный практический совет, а из сердца не могло не вырваться самого важного предостережения. Тот совет и то предостережение, конечно, описывали бы в черных красках бесчувственных лордов и баронетов, которые тешат себе душу, соблазняя молодых леди и увозя их в свои отдаленные поместья. Увы, этих слов не прозвучало. Да и кто бы подумал об этом? Ведь миссис Морланд так слабо представляла себе лордов и баронетов, что не имела никакого понятия об их поголовной испорченности и не подозревала об ущербе, который они могут нанести дочери своими гнусными происками. Оттого слова матушки были куда более приземленными:

— Пожалуйста, Кэтрин, получше закутывай шею, выходя с бала. И еще — мне бы хотелось, чтобы ты записывала свои расходы, я тебе дам для этого особую тетрадку.

Салли, или, точнее, Сара (ну какая же молодая леди из круга небогатых дворян, достигнув шестнадцатилетия, сохраняет имя, данное ей при рождении?), должна была бы, как это предписывают иные романы, стать самой близкой подругой Кэтрин, пользующейся ее неограниченным доверием. Но как ни странно, она вовсе не умоляла сестру посылать письма с каждой почтой и не взяла с нее обещания рассказывать во всех подробностях о каждом новом знакомом и о каждом повороте каждого интересного разговора. Одним словом, во всем, что касалось этой важной поездки, Морланды продемонстрировали спокойствие и умеренность, вполне свойственные обычному поведению обычных людей, но едва ли совместимые с теми изысканными чувствами и возвышенными переживаниями, которые всегда характеризуют первую разлуку героини романа с родным домом.